

ГОРОД НАШЕЙ ДУШИ

Вологодой вдохновенные

Сборник

**Город нашей души.
Вологдой вдохновленные**

2021

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)6-4

Сборник

Город нашей души. Вологдой вдохновленные / Сборник — 2021

ISBN 978-5-9729-5007-2

«Город нашей души» – издание, посвященное Вологде, своеобразная визитная карточка областной столицы, где поэтами разных эпох в художественно-поэтической форме отражен образ родного края, воплощено восхищение одним из самых старинных русских городов. В антологии представлены не только известные вологодские авторы, но и вдохновлённые северной столицей прозаики и поэты, чьи имена вошли в сокровищницу отечественной словесности. Тексты произведений, начиная с народного предания, расположены так, чтобы наиболее полно и разнообразно показать незабываемый колорит древней Вологды, создающий редкое душевное настроение. Издание предваряется лирическими миниатюрами в прозе, – своего рода литературным мостиком, ведущим к бесценному поэтическому миру многовековой и самобытной красоты Вологды.

УДК 821.161.1(470.12)-3

ББК 84(2Рос-4Вол)6-4

ISBN 978-5-9729-5007-2

© Сборник, 2021

Содержание

Гимн русской речи	7
Владимир Даль	10
Александр Романов	11
Город нашей души	11
Алексей Ремизов	12
Иверень	12
Александр Цыганов	13
Родина	13
Дмитрий Чугунов	14
Вологда	14
Роберт Балакшин	16
Родной город	16
Приход преподобного Герасима на реку Вологду	20
Народное предание	21
Михаил Муравьев	23
О Вологда! вовек пребудет честь твоя...	23
«Катитесь, стихи любезныя, по воле...»	23
Эклога	24
Описание Вологды	25
Путешествие	26
Константин Батюшков	28
А.С. Пушкин «К Батюшкову»	28
На родине мой кров...	29
Мой гений	29
Беседка муз	29
«... Какие радости в чужбине?...»	30
Петр Вяземский	31
Послание вологодскому губернскому прокурору Н.Ф. Остолопову	31
К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину	32
Николай Остолопов	34
К Амине	34
Павел Межаков	35
Возвращение на родину	35
Платон Волков	36
Сани, дрожки и дуга	36
Василий Красов	38
Воспоминание	39
Николай Некрасов	40
Крестьянские дети	40
Феодосий Савинов	43
Родное	43
Василий Сиротин	44
Исповедь	44
«Раз возвращаюсь домой я к себе...»	45
Иван Куратов	46

Коми язык	46
Тьма	47
Иннокентий Анненский	48
Лунная ночь в исходе зимы	48
Просвет	49
Александр Круглов	50
Старый рыболов	51
«Не сдерживай горячей укоризны...»	52
«Затворившись в тесной келье...»	53
Никтополион Святский	54
Из воспоминаний	54
Сергей Стрибожич	55
Белоризцы	55
Александр Пугачев	56
Вологда	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Город нашей души. Вологдой вдохновленные. Сборник стихов поэтов разных эпох Автор проекта и редактор- составитель А.А. Цыганов

Рецензенты:

О.А. Фокина,

член Союза писателей России, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, почетный гражданин города Вологды

В.Н. Бараков,

член Союза писателей России, доктор филологических наук

М.И. Карачев,

поэт, член Союза писателей России

С.А. Тихомиров,

историк, член Союза писателей России, лауреат Государственной премии Вологодской области

В.А. Саблин,

доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета

Город нашей души. Вологдой вдохновленные. Сборник стихов поэтов разных эпох /
[Автор проекта и редактор-составитель А.А. Цыганов]. – Вологда: Родники, 2021

© Цыганов А.А., составление, редактирование, 2021

© Издательство «Родники», 2021

© Оформление. Издательство «Родники», 2021

Гимн русской речи От составителя

Вологодская литературная школа давно получила всероссийскую известность. Выросло это культурно-историческое явление на благодатной почве, одарено талантами – искрой божьей – в прозе и в поэзии, которые отражают лицо времени – в устном ли хождении, на бумаге ли – для будущих поколений.

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страдания,
Наш дар бессмертный – речь.

Гимн русской речи... Так писал в январе 1915 года, в дни Первой мировой войны, будущий нобелевский лауреат Иван Алексеевич Бунин. Составителю антологии давно хотелось привлечь эти классические строки в созвездие гимнов нашему любимому городу. Родился Бунин в Воронеже, жил в ту пору в Москве, в окружении знаменитостей: Шаляпин, Горький... Казалось бы, что Бунину – Вологда! Южный человек (его слова), а тут – Север, холодная окраина Руси, словно забытое ласточкино гнездо под застрехой амбара, придавленного снегом! И не всякому читателю, искушенному в литературном процессе, ведомо, что в мае того же 1915 года, вместе с ласточками, Бунин прибыл в Вологду. Выросший в деревенской глуши, искавший потому славы и почестей, уже обрета их, академик российской словесности Бунин, однако, появился в наших краях скромно, без газетной шумихи. Не приехал на поезде – прилетел на крыльях любви... В Вологде родилась Надежда Алексеевна Семенова, издательница газеты «Орловский вестник», в свое время поддерживавшая своим участием семнадцатилетнего начинающего поэта, и теперь прославленному автору захотелось пройти по городу ее юности, – вдруг да и откроется истинная причина его страданий (позднее изложенных так ярко в автобиографическом повествовании). «...впервые, не решаясь верить себе, догадался о причине странной перемены, происшедшей в ее обращении со мной в эту зиму, – о том, что она может любить и ревновать меня. <...> Во всем городе единственно близкий человек <...> постоянное внимание, заботливость, часто проводил целые вечера с ней вдвоем, – она подолгу играла для меня, а я полулежал на диване, всё закрывая глаза от подступающих слез музыкального счастья и всегда особенно обостряющейся вместе с ним любовной боли и всепрощающей нежности». (И.А. Бунин. «Жизнь Арсеньева». М., «Худож. лит.», 1988. т. 5. с. 190–195). Увы, проницательная женщина, Семенова видела, сколь сложна, изменчива поэтическая душа ее подопечного, и Надежда Алексеевна не сделала решительных шагов, а Иван Алексеевич по приезде в Вологду (Семенова еще жила в Орле, вернулась в родной город лет через пятнадцать) явился к другой спутнице юности – Александре Померанцевой (сосланной в наши края революционерке), которая оставила о тех днях воспоминания. Вспоминал о том дне, о прогулке за городом, близ Спасо-Прилуцкого монастыря, и сам Бунин. По прошествии лет уже в Париже, у старого, уставшего от жизни человека, в исповедальных мыслях о России возникал и близкий его сердцу образ Вологды: «Ночью вдруг думаю: исповедоваться бы у какого-нибудь простого,

жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре, под Вологдой! Затрепетать от власти его, унижаться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца...» (И.А. Бунин. Дневник. 1922). Через двадцать с лишним лет, в годы Второй мировой войны, Бунин вновь вспоминает памятный вологодский день, отдавая мысли автора героине рассказа «Чистый понедельник», созданного в 1944 году: «Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь самый глухой, вологодский <...>!» (М., «Худож. лит.», 1988. т. 5. с. 467).

Опытный читатель не простил бы составителю книги стихов о Вологде, если бы составитель не упомянул имя нобелевского лауреата Ивана Алексеевича Бунина...

Доехал ли до Соловков Сергей Есенин? Об этом путешествии литературоведы спорят до сих пор. Ясно лишь, что в Вологде бывал, и бывал дважды... Включать ли его в антологию?!.. «Мальчишник» в доме купца Девяткова (ныне – ул. Пушкинская, 50)! Обед в гостинице «Пасаж»! Многим известна история пребывания Есенина в Вологде. Друг Сергея Есенина – Алексей Алексеевич Ганин представлен в нашей антологии. Участник свадьбы – Филипп Васильевич Быстров не забыт на страницах книги. А Есенин – фигура умолчания? Свидетели – вот они, а жениха – нет?

И Есенину составитель решил дать место в этой книге, хотя имени города в есенинских стихах не присутствует... Зато есть в городе улица имени Сергея Есенина. Есть и переулок имени Ганина. Как и в жизни, они рядом...

Поначалу этот принцип – упомянута ли Вологда в тексте предлагаемого автора? – положен был в основу отбора стихов, и принцип этот оказался не совсем точным... Руководствуясь этим принципом, как поступить с Константином Николаевичем Батюшковым? Учитель, предтеча Пушкина! Улица его имени – в центре города, памятник – на Соборной горке, а упоминания Вологды в стихах Батюшкова не усматривается... А легендарный прототип гоголевского Хлестакова – вологодский помещик Платон Волков, который писал стихи, также представлен в антологии «Город нашей души»!

Вспоминаем, что в Вологде есть улица Некрасова и думаем: нет ли у классика русской литературы поэтических строк с упоминанием Вологды? И находим – куда лучше! – в его поэме «Крестьянские дети»:

Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав – вологжанин...

Может быть, отложив в сторону географический принцип упоминания имени города, стоило оценивать идеологические пристрастия литераторов или, допустим, взять за основу единственный критерий – художественные достоинства, изобразительная сила текста? Отпали бы заметно – прошедших лет и современные – авторы, писавшие порой на ходу, на лету, впопыхах, воодушевленные застольем среди друзей, между тем создавшие стихи с искренней душевностью...

У каждого из названных принципов – свои достоинства, свои ценители и сторонники... Не лучше ли поступить по принципу энциклопедии, проще говоря: «На всякую рыбку свой едок найдется», так гласит пословица из словаря Владимира Ивановича Даля, ведь он тоже упоминал Вологду...

Живя в Бывалове, каждый день прохожу или проезжаю по Горбатому, около вокзала, мосту, вспоминаю, что неподалеку, на Богородицком кладбище, среди иных, окончивших жизненный путь, упокоена и наставница Бунина – Надежда Алексеевна Семенова. Иногда спускаюсь вниз, к собору. Могила бунинской путеводительницы потеряна. Семенову поминают лишь рядом с Буниным, который запечатлел образ любимой женщины на бумаге, и то хорошо: «... звучат лишь письма».

В бываловской стороне, близ старинной Осановской рощи, был и сам золотоволосый посланник ее величества русской поэзии Сергей Есенин, где великий поэт читал стихи и преподносил букет полевых цветов невесте, направляясь на венчание в здешнюю церковь Кирика и Иулитты. В этом благоденствии, где в майскую пору не дают спать соловьи, а после дождя видны сразу две радуги, и даже нареченным «Вологодской Швейцарией», вспоминается современная живая песенка про Бывалово, а поет ее правнучка Филиппа Быстрова, поэта, который держал венец над головой Сергея Есенина, и свадьба была совсем неподалеку от этих мест, сто с небольшим лет назад...

Перед вами, ценители поэзии, у вас в руках – стихотворная книга поэтов разных эпох «Город нашей души»!

Александр Цыганов

Владимир Даль

* * *

Рассыпался горох по всей Москве, по всей Вологде (звезды) [Вселенная]

* * *

Никола обыденный
(сибирск., т. е. сооруженный в одни сутки, как в Вологде Спас обыденный). [Месяцеслов]

* * *

Луков день (Вологодск.
Убирают пчёл, собирают лук).
[Месяцеслов]

* * *

Вологодцы – теленка с подковой съели. Толоконники
– Волгу толокном замесили. [Русь – Родина]

* * *

В Москве к заутрене звонили,
а на Вологде звон слышали.
[Молва – слава]

Александр Романов

Город нашей души

...Здравствуй, Вологда! Вот наконец-то тот кремлевский берег и та Соборная горка, обрыв которой, право же, омывают не речные волны, а потоки самого времени. Вот поодаль и он, тот крутой холм первопоселения, из которого граненым обелиском поднимается многовековая ось Вологды.

Светлее и заповеднее места, чем это, нет в нашем крае! По медленной излучине левобережья серебрянотканым поясом тянутся старинные церкви Сретенья, Иоанна Златоуста, Дмитрия Прилуцкого, Николы во Владычной слободе и Спаса во Фрязинове – каждая со своим неповторимым обликом, узором и молчанием, а меж ними вольно расставлены отрядные взору особняки и крепко рубленые дома.

Здесь чуткой памятью и ныне за звуками нашего времени можно расслышать гром посоха Ивана Грозного, напористую походку Петра Первого и легкий шаг задумчивого Константина Николаевича Батюшкова, чей стих, по словам Гоголя, «облитый ароматом полудня... сладостный, как мед из горного ущелья», волнует и нас, его потомков. Здесь в камне и в дереве, в музейных залах древней иконописи и ремесел, в просторности и певучести окружающих строений можно и иначе рассмотреть мудрые порывы народного гения. Здесь воистину пахнет Русью!

Вологда в вечерних огнях – что золотистая сказка. Липы вокруг старого театра, называвшегося когда-то Пушкинским домом, плывут в небе мерцающими хороводами. В их кронах гнездятся фонари. А в резных окнах дворянских особняков играют блики, словно в глубине их вновь зажигаются бальные свечи...

А вот и набережная реки, высоко белеющая домиком Петра Первого. Чуткое ухо услышит здесь и поныне решительные шаги Государя. А проспект широкий мчится дальше, к гостинице «Золотой якорь» и к пустой площади, на которой когда-то сияли три храма, три прекрасных храма...

А затем под золотым куполом звонницы взреет в небо и само очарование Вологды – седой Кремль и величественная София. Державны ее кресты, серебристо пятиглавие, певучи закомары и ослепительно белы ее стены с древними над входами фресками. Здесь даже у самого пропащего человека рука вскинется для перекрестия...

Вологда – не просто город. Не просто географический знак на карте. Не просто местожительство многих поколений. Вологда – это исторический путь России к Северному океану и за Уральский камень, в далекую Сибирь, к океану Восточному. Вологда – это самобытный образ русской жизни, запечатлennyй на века камнетёсами, плотниками, сказителями, резчиками, кружевницами, самыми разными мастерами народных художеств. Вологда – это более чем восьмивековая память о Родине, переданная нам в наследство.

Алексей Ремизов

Иверень

Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся – только вологодские. Полуночное солнце в белые ночи – вон глядите! голубая и алая плывет Вологда – Вологда, Лея, Сухона, Луза, Юг, Вычегда, Сысола. А зимой при северном сиянии – небо пополам! и над белой (на сажень лед), скованной рекой льется багровое, как июньская полночь, а зеленее самой суздальской муравы, а уж такое красное – осенняя лесная ягода. А когда на сотни верст дремучий берег заглядится дикой розой, смотришь, и не знаешь, точно из гриммовской волшебной сказки «Спящая царевна». А эти розовые пески между Устюгом и Сольвычегодском и эти белые алебастровые горы по Северной Двине к Архангельску? Или осенью, когда цветут сырые кустатые мхи и яркими персидскими цветами – да что! надо все это видеть и чувствовать, а никаким словом не скажешь.

За неповторяемость и единственность красок «времен года» – какая громчайшая весна и сорокаградусная лютя зимой! – Вологда подлинно Афины – «Северные Афины». А в начале этого века (невероятно, ведь так недавно, а как тысяча лет!) таким именем «Афины» звалась... Вологда, и слава о ней гремела во всех уголках России... Та русская земля, где когда-то гремел город Грозного Вологда с При луками.

Александр Цыганов

Родина

Летним июньским вечером, когда чуткая тишина приглушает все звуки, добрее душа. Ты сидишь на теплом бревне у Вологды-реки, и после дальней дороги в одиночестве смотришь на горящие в красном закате купола Софии...

Мимо тебя, счастливые, проходят Соборной горкой парень в белоснежной рубашке и девушка в легком, как дыхание ребенка, платье. Сейчас в стороне твоего сенокосного детства также незабываемо дивно, на всю округу, светится родной Ферапонтовский монастырь, а у дальнего речного водопоя вечерне замерли тёмно-фиолетовые кони с былинными гривами... Как давно не приходилось мне быть в своих местах, возле той самой солнечной заводи, где через звенящую кузнечиками тропинку ждет не дождется наша одинокая баня, под прокопченным потолком которой всегда мощно и приятно шумит сухим жаром, а душе становится покойно и отратно, как в детстве.

Смешное милое детство! Мне никогда уже больше не возвратиться в твою сказку, но память печально и томительно зовет за собой, и я покорно и радостно отдаюсь ей... Детство мое! Ты помнишься мне одним ослепительным ярким днем, в малиновом мареве которого плывет наш старый дом. А подле него – загорода, где неизменно волнующе пахнет свежей рыбой упругая, как береста, желто-звонкая стружка. В жарком воздухе гудит зноем, золотые потоки испарений тают в вышине, изменяя горизонт волнистыми гибкими линиями. И среди густой травы-муравы ходулисто щеперится на веселой горушке наша кормилица Красотка и глупо-глупо пялится на меня, босоногого, сквозь первозданную кипень черемухи...

А в хрустально-недостижимом куполе бездонного неба трепыхается крохотный зеленый самолетик – неотвязная мечта безгрешных моих снов: схватить эту странную игрушку, обязательно сунуть ее в карман штанов, и чтоб она там, как добрый ручной зверек, ласково шебуршала, будто делясь своим сокровенным с единственным и верным другом... Мое травяное бесконечное детство! Во веки веков будешь ты в моем сердце человеческом, потому что великой памятью первой любви, вечной девочки в синем июне, дало мне – милосердно и бескорыстно – удивительные силы жить и помогать другим.

А сегодняшняя светлая ночь приносит с собой успокаивающую прохладу вперемежку с медвяно-густым, тягучим запахом липы, и опять с такой же необъяснимой силой манит куда-то холодным светом серебристо-чеканная луна. Ты слушаешь тайную жизнь прибрежных ив, темных и молчаливых, и отчего-то робко-радостно ждетя появления оттуда ни с кем не сравнимой золотоволосой девушки с загадочными глазами...

Но вот ты уже идешь улицами своего города, теперь такими тихими и уютными, бережно прикрытыми туманно-прозрачным покоем, что будто сама душа просто, чуть слышным шепотом и произносит: «Здравствуйте, родные мои».

Дмитрий Чугунов

Вологда

Вологда, город мой, город – чудное настроение...

О любимых местах писать сложнее всего, потому что они не дробятся на площади и часы, они живут единым образом и единой музыкой в твоей душе. И такой стала для меня Вологда.

Необычное и странное первое впечатление – дождь. Мелкие-мелкие капли его повисают туманом в воздухе. Я иду ранним утром от вокзала к автобусной остановке, потом еду в гостиницу, хожу по новым улицам, снова сажусь в автобус и возвращаюсь в центр – влага небесная не прекращается. И зонт есть в руках, и даже подумываю раскрыть его над головой, но так и несу сложенным. Смотрю на людей вокруг – на остановках, на ступенях магазинов, на тех, кто спешит на свою работу – и вижу, что никто из них не идёт под зонтом.

Вологодский дождь – словно второе измерение мира: его видишь, но почти не ощущаешь. Чувствуешь капельки на лице (вот где, наверное, вспомнится – «поцелуй бабочки»), но волосы остаются сухими и полчаса спустя, и час...

Такой дождь жил в воздухе и когда я смотрел на тихую – тихую реку с колокольни Софийского собора в вологодском кремле, и когда в Спасо-Прилуцком монастыре подходил к могиле Константина Батюшкова, чтобы поклониться праху поэта.

Это был особенный дождь, не такой, как в других городах, дождь-настроение...

Константин Батюшков и Николай Рубцов, два имени, которые будут звучать во мне.

Дом Батюшкова. Светлый, двухэтажный, обшитый досками, с балконом-галереей на втором этаже, так и кажется, что сейчас из приоткрытых дверей выйдет сам поэт – поглядеть на гостя. Маленькая угловая комната – это его. Круглый стол с самоваром посередине, два зеркала... Его двадцать два года, проведённые здесь, – падение в бездну неизвестности, его судьба – предвосхищение и повторение судеб. Гельдерлин – Батюшков – Ницше, талант и безумие...

А есть другой Батюшков. На берегу реки он о чем-то напряженно и стремительно думает. Рядом – конь под седлом, склонив голову, щиплет траву. Вспоминаются пушкинские слова на полях одного из черновиков: «Звуки итальянские, что за чудотворец этот Батюшков!»

...Есть на улице Герцена в Вологде красно-бордовый дом, тоже – в два этажа, с восхитительными резными наличниками и чудесным крыльцом... Над крыльцом – небольшой балкон. Старинные дома вообще здесь невероятно хороши! Словно замершая на миг поэзия. В двух комнатах этого дома – рассказ о жизни Рубцова. И его стихи – повествование о любимом городе. «Печальная Вологда дремлет на темной печальной земле...» Или: «Я полюбил ненастный шум вечерний, огни в реке и Вологду во мгле...»

Я иду по набережной, к домику Петра Первого. Небольшой скверик. Памятник, мимо которого невнимательный прохожий пролетит беззаботно.

Человек на постаменте. Невысокого роста, с шарфом на тонкой шее, с портфелем в руке. Правая рука спрятана под пальто, на сердце, скромно. Словно сдерживая ту страсть, что готова выплеснуться вместе с такими обычными словами. Простая надпись – «Рубцов».

«Россия, Русь! Храни себя, храни!...»

Батюшков и Рубцов. Река. Оба они – у одной реки. И оба – как реки.

В Спасо-Прилуцком монастыре, уподобившись суматошным туристам, бегаю по разрешенным местам, старательно ахаю от восторга, поднимаюсь на стены, чтобы получше изучить особенности фортификации... Суeta суeta. Бойницы верхового боя, подошвенного... Озерцо внутри, чтобы не взять измором – через жажду...

В двух десятках шагов от монастыря – река. Тихая, неторопливая. Случайно замечаю, как по луговой тропинке вдоль стен идут двое. Непохожие на других, выпавшие из суеты. Парень в темных брюках и клетчатой рубашке и девушка в длинной юбке, с покрытой головой. Она доверчиво склонилась к нему, слушая, как он что-то рассказывает. Они идут вдвоем, и больше никто не нужен им: ни поляки, когда-то штурмовавшие эти стены, ни большевики, разорявшие обитель, ни мы, примчавшиеся сюда, чтобы спустя час или два так же стремительно умчаться в другое место...

И еще одно радостное воспоминание от города. Здесь не ругаются на улицах площадной бранью... Когда я гуляю теплым вечером по улицам, то наслаждаюсь удивительной чистотой происходящего. Благообразие воздуха в скверах, закатное солнце играет на стенах храмов, у кинотеатра толпится молодёжь. Время словно бы замерло в неспешной уютности. В памяти встаёт мозаика пролетевшего дня, в котором только теплота, покой, душевность, и – странное дело! – ты не испытываешь сожаления или грусти от его завершения. Он не исчезнет, он всегда будет с тобой.

Роберт Балакшин

Родной город

Города, как и люди, имеют свои дни рождения. У одних они документально зафиксированы в государственных актах, истоки других – в сказаниях и легендах, след которых теряется в темной дали веков. А наша родная Вологда ведет отсчет своего исторического бытия с сентябрьского дня (19.8./1.9.) 1147 года, когда на берег реки Вологды после многомесячных странствий пришел киево-печерский инок Герасим. Увидев здесь небольшое поселение, он срубил невдалеке от него келью, «прорицая ту быти граду великому, и святей церкви воздвигнутися, и святителем водворитися» (из тропаря преподобному Герасиму).

Конечно, преподобного Герасима привела на вологодские берега непостижимая воля Господня. Если человек не появляется на белый свет без промысла Божия о нем, то, что говорить о городах, которые люди населяют?

Вблизи того места, где был погребен первочеловек Адам, основался святой град Иерусалим; на семи холмах в долине Тибра воздвигся владыка мира – имперский Рим, а в центре среднерусской равнины зародилась и расцвела могучим древом дорогая каждому русскому человеку Москва. Так и здесь, в дремучих северных лесах, для высокой и завидной судьбы возник чудо-город с певучим, протяжным именем – Вологда. Многое услышится в этом имени чуткому уху и любящему сердцу: и накатный плавный бег речной волны, и долгий вздох таежного бора под упругим порывом ветра.

В глухих таежных чащобах проезжие дороги были редки, наиболее удобным и безопасным путем являлись реки, и, стоявшая на реке Вологда, была как бы воротами в неизведанные северодвинские края, за которыми лежал Урал с иными народами, обитавшими там, с залежами железной руды и драгоценных камней – самоцветов. Поэтому за право обладания Вологдой шла многолетняя упорная борьба между удачливыми новгородскими ушкуйниками, давно проторившими сюда пути, и молодым Московским княжеством, год от года набиравшим державную силу. С XV века Вологда – удел московских князей, верный и надежный оплот белокаменной столицы, собиравшей вокруг себя Русь.

Напоминанием о былом родстве с Новгородом служит нам церковь Варлаамия Хутынского, единственная в городе носящая имя новгородского святого. Многие другие храмы (главным образом, приделы в них) поименованы в честь ростовских и московских святых – Леонтия Ростовского, Сергия Радонежского, митрополита Алексия и др.

В эту пору Вологда видела князя Дмитрия Шемяку, великих князей Василия Тёмного, Ивана III, Василия III. По-разному приходили князья в Вологду: бывало, с добром, а, случалось, и с лихом, и тогда жгли, грабили и разоряли город. Но чаще приезжали на богомолье и по различным государственным нуждам. Город рос, строился. В будние дни слышался стук плотничьих топоров и молотков каменщиков, удары кувалд в кузницах и корабельные команды на реке. А в ярмарочные и воскресные дни торжища и улицы города кипели смехом и песнями, праздничным говором. Бурлила переменчивая, созидательная жизнь. От тех лет до нас не дошло ни одного храма, ни одного жилого дома, только иконы, старинные книги да предметы быта в музее безмолвно повествуют нам о минувшем времени.

Неоднократно наведывался в Вологду и подолгу жил здесь первый русский царь – Иван Васильевич IV Грозный. С его славным именем связана постройка Софийского собора – драгоценнейшей жемчужины Вологды. Ничто в городе не может сравниться с этим белым, как лебединое крыло, собором, одинаково прекрасным в зимнюю стужу и в меланхолично-задумчивый осенний день, в мечтательную белую ночь и в майское лучезарное утро.

Находясь в разлуке с отчим домом, вспоминаешь в чужих краях двор, где вырос, семью, друзей, и обязательно – Софию, как утешительный символ вечности города, как залог того, что ты вернешься в родные места.

В Смутное время Вологду потрясли трагические события. Поляки, воспользовавшись оплошностью воевод, внезапно овладели городом. В пору княжеских междоусобиц тоже бывало разное, жизнь омрачалась бесчинствами и грабежами, и все же сознание, что перед тобой свои, русские люди, удерживало иной раз гневную руку от крайнего злодейства. Но что могло остановить иноземных врагов? Со страниц летописей и житий святых до нас доносится ужас происходившего. В те дни был замучен поляками святой старец Галактион, ценой своей жизни спасший внучку от насильников, а позже в трапезной Спаса-Прилуцкого монастыря приняли огненную смерть страдальцы-монахи.

С воцарением на престоле династии Романовых мир и покой снизошли на русскую землю. Вологда окончательно утвердилась в числе наиболее крупных городов державы Российской. Послы европейских государств проезжали через нее и останавливались в ней, иностранные купцы населяли целую слободу в городе (в районе теперешней Фрязиновской улицы). Случались в городе пожары, когда выгорали целые улицы, но город отстраивался заново. В 1655 году Вологду поразило моровое поветрие (эпидемия чумы), и горожане во избежание от несчастья по обету построили Спасообыденную церковь, одну из немногих обыденных церквей на Руси. К сожалению, утратившие родовую память, помраченные разумом потомки не сберегли ее, редкостная святыня была разрушена уже в наши дни.

На рубеже XVII–XVIII столетий неутомимый царь Петр I, исколесивший, пожалуй, пол-России, пять раз посетил наш город. Хлопот и трудов было не счесть: восстановление и перевооружение армии после Нарвского разгрома, усиление Архангельской крепости, которую пытались захватить шведы, учреждение навигацких школ, открытие типографий.

С основанием Санкт-Петербурга значение Вологды как торгово-хозяйственного центра понизилось, что вовсе не значит, будто жизнь в ней стала унылой, застойной, провинциальной в уничижительном смысле этого слова. Привыкнув измерять жизнь экономическим аршином, мы считаем: чем больше фабрик и заводов в городе, чем выше товарооборот пристани и купеческих контор, тем богаче, интересней и содержательней в нём жизнь.

Однако куда выше ценностей, производимых фабричным, заводским трудом, ценности духовные, а им удобнее созреть и произрастать в тишине. В городе и в XVIII веке строились красивые храмы и дома, писались книги, в гимназии учились дети, многие из которых впоследствии прославили Отечество на ратном поле, на поприще науки и медицины, литературы и искусства. В тишине провинциального города проникновенней творится молитва, чище и естественней чувства, устойчивей быт. В провинции, в несуетной жизни захолустных городков, рядом с деревней, с земледельческим, почвенным трудом созидался наш русский характер, в котором наряду с беспечностью и разгульной открытостью души подспудно присутствует тяжеловатая, патриархальная основательность, та твердость и непреклонность верований, убеждений и привычек, которые выручают русского человека в самые трудные моменты его жизни. Отсюда его немногословная, но стойкая любовь к Отечеству, неутомимость в труде и неприхотливость в повседневной жизни, здоровое недоверие к иностранцам, как к людям, неспособным понять нас, и потому упование на свои, народные силы, а не на помощь со стороны.

Когда на нашу землю хлынуло французское нашествие, Вологда была глубоким, прочным тылом Действующей армии. В Спасо-Прилуцком монастыре хранились сокровища Московских соборов и Троице-Сергиевой лавры. Величайшие святыни Отечества, доселе находившиеся в отдалении друг от друга, чудесным образом на короткое время собрались вместе. Можно сказать, что в те дни Вологда была духовным средоточием всей России.

За год до своей блаженной кончины Вологду посетил император Александр Благословенный. Почти сто лет коронованные особы не посещали город, и поэтому приезд импера-

тора оставил глубокий след в губернской жизни. Царя ждали, Ему были рады, Его встречали и принимали со всей щедрой открытостью гостеприимного сердца. Почетной наградой звучат и поныне слова Государя: «Всё, Мною виденное в Вологде, далеко превзошло Моё ожидание».

В XIX веке в городе было построено большинство каменных гражданских зданий, спланированы бульвары, разбиты парки и скверы, сложилась система улиц и дворов. Заборы, отделявшие один двор от другого, способствовали созданию в каждом из них своеобразного, удивительного для постороннего пришельца мира. Эти миры образовывали вселенную города. Та Вологда с ее обликом действительно русского северного города была видна взору во всей полноте милого очарования старины ещё каких-то тридцать лет назад. Как грустно и больно думать, что на наших глазах, никого не спросив, невежды городские правители уничтожили это рукотворное чудо.

В XIX веке в Вологде побывало много исторических лиц. Озабоченный подготовкой великой Крестьянской реформы, в 1858 году в город приезжал Император Александр II Освободитель, позднее великие князья Владимир и Сергей Александровичи, великая княгиня Елизавета Федоровна (ныне прославлена в лике святых), государственные деятели К.Н. Посьет, К.П. Победоносцев, М.И. Хилков, И.К. Григорович, писатели М.П. Погодин, П.Ф. Анненский, И.А. Бунин...

...Были книги и песни, радостный труд и любовь. Люди любили наперекор всему, радовались жизни, мечтали и строили новую жизнь. И, как знать, куда бы повернулась она, если бы не 22 июня 1941 года.

С 1613 года война не подходила так близко к городу, а тут надвинулась на него вое пропеллеров, в грохоте бомб: вражеские самолеты долетали до самой Вологды. Немецкое командование рассчитывало к зиме 1941 года выйти на линию Архангельск – Сталинград – Астрахань. Что стало бы с нашим городом, осуществись эти планы?

Едва ли красовались бы по-прежнему Софийский собор и Спасо-Прилуцкий монастырь, изысканная Сретенская церковь и величественный храм Николая Угодника во Владычной слободе. Герои, остановившие врага под Москвой, отважные бойцы, отбросившие немцев за Тихвин, защитили Россию, Вологду, тысячи русских городов и деревень. В рядах Красной Армии сражались и сыны вологодской земли. Свыше ста Героев Советского Союза дала Вологодчина Родине.

Отгремели залпы победных салютов 1945-го года, демобилизованные воины вернулись домой, страна восставала из бездны горя и страданий.

Пятидесятые годы – годы обновления и надежд, время полетов первых искусственных спутников Земли, когда в темные октябрьские вечера толпы вологжан выходили на улицы, высматривая ползущую среди звезд по ночному небосводу крошечную, мерцающую искринку. Город начал широко расти, завершилось строительство льнокомбината, приостановленное войной, на железной дороге появились первые тепловозы, а на реке теплоходы, строились заводы «Электротехмаш» и ГПЗ, реконструировался «Северный коммунар».

Наступил расцвет деятельности писательской организации и организации собратьев художников. Были написаны новые книги, созданы живописные полотна, театр радовал зрителя интересными постановками. Не забылась, еще свежа в памяти недавняя борьба против переброски северных вод на юг и, кажется, совсем вчера бушевали первые митинги перестроенной поры...

Вологде более восьми веков. Все постепенно меняется в городе, и он сам, и люди. Его история еще ждет своего летописца, своего Карамзина, который опишет родную Вологду вдумчивым, чутким и вдохновенным пером. Все меняется, но одно должно оставаться и остается неизменным – любовь к тому месту, где ты родился, где жили и погребены твои предки, а через любовь к своему городу сильнее возгорится, станет живей и теплей любовь к нашей матери – великой России.

...Пройдут годы. Как это ни печально, но все мы уйдем. А город останется. Будут стоять храмы и дома, в струящейся реке будут отражаться облака и звезды, будет бурлить иная, новая жизнь, а над нею, как отлетевшее дыхание, как наши не умершие мечты и думы по-прежнему будут шуметь высокие, вечные тополя.

Приход преподобного Герасима на реку Вологду

Далекий путь, трудна дорога:
То дождь, то жар дневной печет,
Но с упованием на Бога
Шагает инок все вперед.

Идет сквозь дебри и овраги
С крещатым посохом простым.
Душа полна святой отваги
И помышлением святым.

Работник Господа свободный,
Унынья чуждый и тоски,
Пришел Герасим преподобный
На берег Вологды-реки.

И рек подвижник вдохновенный,
Пронзая взором даль веков:
«Здесь будет град благословенный,
Отрада северных краев.

Градские стогны украсятся
Великим множеством церквей,
Святители здесь водворятся
На славной кафедре своей.

Монастырям тут многочисленным,
Как райским кринам процветать!
И неоскудно изольется
На край сей Божья благодать!»

О, Вологда, мой город милый!
Произволением Вышних сил
Святой угодник в дни былые
Тебе начало положил.

Стоишь ты прочно и поныне
С надеждой светлою любви.
Так будь верна родной святыне,
Люби ее и в ней живи!

(Р. Балакишин)

Народное предание

Что на славной реке Вологде
Во Насоне было городе,
Где доселе, было, Грозный царь
Основать хотел престольный град,
Для своо ли для величества
И для царского могущества;
Укрепил стеной град каменный
Со высокими со сбашнями,
С неприступными бойницами.
Посреди он града церковь склал,
Церковь лепую, соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Её честного Успения;
Образец он взял с Московского,
Со собору со Успенского.
Стены храма поднимались —
Христиане утешались.
Уж как стали после свод сводить,
Тута царь сам не коснел ходить;
Надзирал он над наемники,
Чтобы Божий крепче клали храм,
Не жалели б плинфы красные
И той извести горючие.
Когда царь о том кручинился,
В храме новом похаживал,
Как из свода туповатого
Упадала плинфа красная,
Попадала ему в голову,
Во головушку во буйную,
В мудру голову во царскую.
Как наш Грозный царь прогневался,
Взволновалось во всех жилах кровь,
Закипела молодецкая грудь,
Ретиво сердце взъярилося;
Выходил он из храма нового,
Он садился на добра коня,
Уезжал он в каменну Москву,
Насон-город проклиная
И с рекою славной Вологдой.
От того проклятья царского
Мать-сыра земля тряхнулася,
И в Насон-граде гористоем
Стали блата быть топучие,
Река быстра, славна Вологда
Стала быть рекою стоячею,

Водой мутною, вонючею,
И покрыта все тиною,
Скверной зеленью со плесенью...

Закладка Вологодского кремля при Иване IV происходила 28 апреля в день святых Иасона и Сосипатра. Отсюда второе название Вологды – Насон-город.

Текст народного предания передал редактору журнала «Москвитянин» М.П. Погодину профессор Вологодской духовной семинарии П.И. Савваитов. Напечатано в 1842 году.

Михаил Муравьев

О Вологда! вовек пребудет честь твоя...

«Катитесь, стихи любезныя, по воле...»

Катитесь, стихи любезныя, по воле,
Как в Вологде текли, теките в Петрополе,
Наполните собой вы хартию сию
И усладите тем прискорбну жизнь мою.
О память милых дней, в местах тех провожденных,
Где плод прозяб стихов, впервые насажденных!
Благословенна будь и ты, река моя,
О Вологда! вовек пребудет честь твоя,
Хоть сами берега твои тебя забудут,
Струи твои в моих стихах крутиться будут.

1775

Эклога

*К его превосходительству
Алексею Васильевичу Олешеву
(Из стихотворения)*

Пастушьи прения впервые воспеваю
И сельски божества со страхом призываю.
Помедли, Вологда, останови на час
Поток поспешных волн, чтобы свирельный глас
Раздался, по твоим носясь струям прозрачным,
И чтоб живущие по рощам нимфы злачным,
Собравшись толпой ко берегу твоему,
Умолкли с кротостью, когда свирель возьму.
Вы юному певцу, о фавны, не мешайте
И прочь с сатирами отсюда поспешайте.
А ты, любитель рощ, владелец сих лугов,
Начальник и краса окрестных пастухов,
Будь юности моей советником и другом.
Ты музам жертвуешь и мудрости досугом...

Описание Вологды Сонет

Хороших и худых собрание домов,
Дворян, купцов и слуг смешенье несобразно,
Велико множество церквей, попов, дьячков,
Строенья разного расположения разно.

Подьячих и солдат, терем колодников,
Ребят и стариков собрание лишь праздно.
И целовальников, и пьяниц, кабаков
Хаос порядочный, смешенье многообразно.

Старух и девочек, и женщин и девиц,
И разных множество и непохожих лиц,
Птиц, кошек и зверей, собак, что носят ворот.

Итак, исполнил вот я то, что обещал,
И слово до конца свое я содержал,
Коль то не Вологда, так описал я город.

Путешествие

Прости, спокойный град, где дни мои молодые
Под сенью родины сны красили златые.
Я твой меняю кров на пышный Петрополь.
Но память мне твою с собой унести позволь,
Ах! память жизни сей, столь сладко проведенной
С нежнейшим из отцов, с сестрою несравненной.
Уже церковей твоих сокрылися главы,
О Вологда! поля, лишенные травы,
Являют сентября дыхание сурово:
Но нас повсюду ждет друзей свиданье ново.
Тебе обязанных сердца, родитель мой,
И в путешествии сопутствуют с тобой,
В гостеприимный кров, кров сельский приглашают.
И старца седины цветами украшают.
Затмила было скорбь твои цветущи дни,
Любезная сестра, но в дружеской сени
Небесно здравие с тобою рассмеялось.
Пространство новое пред нами разверзалось,
Где Угла быстрая приносит дар Шексне.
День целый по ее неслись мы быстрине;
Тяжелы неводы влекут нам рыболовы,
И дым являет их в лесах таящихся кровы.
Преходим, от валов течение удаля,
Железом устюжским усеянные поля.
Ты принял нас в твоей сени благословенной,
Муж, важный твердостью, родством соединенной.
Ты, от волнения себя уединив,
Находишь счастье среди спокойных нив.
Оттоль лежал наш путь по холмам каменистым,
Дающим в недрах их озерам место чистым.
Сквозь темный свод лесов проходим в те места,
Где льет полезный ток величественна Мета.
Несчетной тьмой судов ее покрыты бреги.
Там, к брату своему, в объятия спешишь,
Родитель мой! и слез в восторге не щадишь.
О старцы! вашего свидания свидетель,
В двух образах я зрел едину добродетель.
Так два источника, вначале разделясь,
Странами дальними друг от друга катясь,
Внезапну в ток един щедротою судьбины
Сливаются, журча и не страшась пучины.
Остаток нашего к Петрополю пути
Хотим, покинув брег, водою перейти.
Несомы ладией средь влажных дороги,
Мы видим, Мета, твои шумящие пороги.

Преградою их скал в пути раздражена,
Кипит и бьет твоя сердитая волна.
Но, после возвратись к естественному чину,
Тиха, являет нам берегов своих картину,
Доколь распространив течения свои,
Вливает в озеро прозрачные струи
Прекрасно озеро, близ коего потоков
День Труворов затмил в полудни Сумароков.
С восторгом, Новгород! к тебе кидаю взор
И зрю Софии храм и Ярославов двор.
Потом по той реке, где древний Волхв являлся,
Где, Рурик, твоего жилища знак остался,
Дошли до Ладожских неистовых валов;
Где тихий ход судам назначил дух Петров,
И се река его, славна его делами,
Нева пред алчными открылася глазами,
И скоро вы сбылись, любимые мечты,
С своими зданьями предстал, Петрополь, ты.
Се ты, прекрасный сад, героем возвращенный,
Се Марсов храм, се храм, наукам посвященный.
Здесь Ломоносов пел, Лосенков там писал.
Я славлю вас, берега, к которым днесь пристал.

Константин Батюшков

А.С. Пушкин «К Батюшкову» (Из стихотворения)

«Поэт! в твоей предметы воле,
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как росс, питомцем славы пал!
Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный, не увял!..»

«К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...»). Стихотворение, опубликованное юным Пушкиным в «Российском музее» (1815), послужило поводом для личного знакомства известного и начинающего авторов, вместе с тем дало начало поэтическому обмену мнениями. Также поэту было посвящено стихотворение А.С. Пушкина «Батюшкову» («В пещерах Геликона...») – февраль-май 1815 г. «...Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского...». А.С. Пушкин. «О причинах, замедливших ход нашей словесности», 1824 г. «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков». Заметки А.С. Пушкина на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К.Н. Батюшкова.

На родине мой кров...

Мой гений

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, незабвенной,
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он;
Засну ль? – приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

Беседка муз

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить олтарь и муз и граций,
Сопутниц жизни молодой.
Спешу принести цветы и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!
Не злата молит он у жертвенника муз:
Они с фортуною не дружны,
Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.
Не молит славы он сияющих даров:
Увы! талант его ничтожен.
Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.
Он молит муз: душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть – вянущим бесперестанно чувствам.
Пускай забот свинцовый груз

В реке забвения потонет
И время жадное в сей тайной сени муз
Любимца их не тронет:
Пушай и в седилах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

«... Какие радости в чужбине?...»

... Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях, и в снегах.
Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!
На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса,
И под окном, в часы вечерни,
Глядит на небеса;
О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает,
Тебя, соратник мой!

Петр Вяземский

Послание вологодскому губернскому прокурору Н.Ф. Остолопову

Я в Вологду попал бог весть
Какой печальною судьбою.
Московский житель с ранних пор,
Как солнце мой увидел взор,
О Вологде, перед тобою
Я признаюсь, – не помышлял,
Ни в явь, ни между сновидений
О ней не думал, не гадал...

К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину

Где вы, товарищи-друзья?
Кто разлучил соединенных
Душой, руками соплетенных?
Один без сердцу драгоценных,
Один теперь тоскую я!

И, может быть, сей сердца стон
Вотще по воздуху несется,
Вотще средь ночи раздается;
До вас он, может, не коснется,
Не будет вами слышен он!

И, может быть, в сей самый час,
Как ночи сон тревожит вьюга,
Один из вас в борьбах недуга
Угасшим гласом имя друга
В последний произносит раз!

Почий, счастливец, кротким сном!
Стремлюсь надеждой за тобою...
От бури ты идешь к покою.
Пловец, томившийся грозою,
Усни на берегу родном!

Но долго ль вас, друзья, мне ждать?
Когда просветит день свиданья?
Иль – жертвы вечного изгнанья —
Не будем чаши ликования
Друг другу мы передавать?

Иль суждено, чтоб сердца хлад
Уже во мне не согревался,
Как ветер в пустыне, стон терялся,
И с взглядом друга не встречался
Бродящий мой во мраке взгляд?

Давно ль, с любовью пополам,
Плели нам резвые хариты
Венки, из свежих роз увиты,
И пели юные пииты
Гимн благодарности богам?

Давно ль? – и сладкий сон исчез!
И гимны наши – голос муки,
И дни восторгов – дни разлуки!

Вотще возносим к небу руки,
Пощады нет нам от небес!

А вы, товарищи-друзья,
Явитесь мне хоть в сновиденьи,
И, оживя в воображеньи
Часов протекших наслажденьи,
Обманом счастлив буду я!

Но вот уж мрак сошел с полей,
И выюга с ночью удалилась,
А вас душа не допросилась;
Зарей окрестность озлатилась...
Прийти ль когда заре моей?

Октябрь 1812
Вологда

Николай Остолопов

К Амине

Ах! сколь приятную картину
Теперь представить я могу!
Я вижу вдалеке Амину,
Сидящую на берегу,
Тогда как Шограш серебрится
Меланхолической луной,
И травка и цветок свежится

Душистой жизненной росой;
Я вижу – слышу голос милой,
Который, стройно согласясь
С гитарой томною, унылой,
То возвышаясь, то дробясь,
Мой пленный дух обворожает.
Я приближаюсь – всякий шаг
Восторг мой больше умножает;
Я с нею – и в ее глазах
Блаженство всё мое читаю,
И не владею сам собой,

К ногам любезной упадаю,
Тут ночь покров тенистый свой
Спускает тихо на вселенну,
И мы обнявшись идем
В ту хижинку уединенну,
Счастливей где царей живем.

Павел Межаков

Возвращение на родину

О радость! Лечу на знакомый лужок,
Вот холмы, долины родные!
Найду ли любимый, душистый цветок,
Чтоб в локоны вплесть золотые?
Ах! Север суровый морозы нагнал —
И цвет ароматный давно уж завял!
Но где же кристальные воды ручья,
Что тихо лужком извивался?
Как часто, с прекрасной обнявшийся, я
Журчаньем его наслаждался?
Ах! Зной нестерпимый долины палил
И ключ благотворный совсем иссушил!
Где роща? Где с милой в прохладной тени,
Беспечно резвясь, мы играли
И думали часто: мы в мире одни
И вместе весь мир забывали?

Платон Волков

Сани, дрожки и дуга

В углу просторного каретного сарая,
Оглобли к небу простирая
И горько жалуясь на рок,
Стояли сани. «Кто бы мог
Несчастнее быть нас! – так в злой печали
Они на небо вопияли. —
Мы зиму целую почти не отдыхали,
Нас беспрестанно запрягали,
И в ночь, и в день
Скитались мы, как тень.
Для бар и для гостей, для всякой дряни —
Закладывай-ка сани!..
Вот, подлинно сказать, злосчастная звезда!..
Кому покой – нам все езда!
За что ж, помилуйте, из экипажей
Ни одному нет доли, горше нашей?!..
Вот дрожки, например!.. Да чем же лучше нас?
А благодать такая им далась,
Что без пробуду спят, когда уж мы чуть дышим!..»
– Слышим! Слышим! —
Им дрожки тотчас же в ответ. —
Нет, мы не спим, нет, вовсе нет!
О боги! как же вы несправедливы:
Не меньше вас, саней, мы, дрожки, несчастливы,
Какое!.. мы несчастнее сто раз:
По крайней мере, дегтем хоть не мажут вас,
Не врезавают в грязь по оси!..
Вы по снегу поете, словно Росси;
А мы по тряской мостовой
Так дребезжим, как домовой...
Не смейте же вы тут роптать на ваше горе:
Оно пред нашим – капля в море.
Вот вам покоя нет, так уж сказать не грех!.. —
Тут с ближнего гвоздя раздался звонкий смех:
Упругая дуга
На спорящих уставила рога
И говорит: «По мне, как вам угодно,
Но вспомните, трудясь полуголодно,
На целых полгода вам тоже отдых есть.
Что жалуетесь вы? Вам надо же знать честь.
Смотрите на меня: ни летом, ни зимою
Я, истинно, не ведаю покою:

И с барином гулять, и ездить за водою —
Все бедную дугу тревожат кучера.
В работе я сегодня и вчера,
И завтра, всю жизнь – всегда все будет то же!
Притом, ведь вы меня гораздо помоложе,
Так вам и легче быть должно.
На ваши жалобы мне гадко и смешно!
Хотите —
Служите,
Да и молчите!»
Смысл басни пояснен удобно был бы мной,
Да незачем: у нас в глазах пример живой.

10 апреля 1847.

Вологда

Прим.: Росси – Генриетта Гертруда Зонтаг, графиня Росси (1805–1854), знаменитая певица; концертировала в России, 10 лет жила в Петербурге.

Василий Красов

«Несмотря, однако, на несходчивый характер Лермонтова, Красов познакомился с ним и, впоследствии, рассказывая об одной из встреч с поэтом, вспоминал, что «Лермонтов был когда-то короткое время» его «товарищем по университету». *Бродский Н.Л. «Поэты кружка Станкевича». Известия ОРЯЗ ИАН, 1912, т. 17, кн. 4, стр. 34.* «...поэтический талант Лермонтова не был в его время одинок: «подле него... светится и играет переливными цветами грациозно-поэтическое дарование Красова». *Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 4. М., изд-во АН СССР, 1954, стр. 371.*

Воспоминание

Не спрашивай, чего мне стало жаль,
Что грустию мне память омрачило:
Мой друг, тоска пройдет, как прежде проходила, —
Я вспомнил детских лет волнующую даль,
Несвязную, но сладостную повесть
Весенних дней моих, волшебный, светлый сон.
Мне стало жаль его! Давно исчез уж он...
Укором восстает тоскующая совесть...
Наш старый дом, наш бедный городок,
И темные леса, и бурный мой поток,
И игры шумные, и первое волнение —
Все живо вновь в моем воображеньи...
Вон дом большой чернеет над горой,
Заря вечерняя за лесом потухает,
Кругом все спит, — лишь робкою рукой
Она окно свое для друга открывает...
Луна взошла, зари уж нет давно,
А я смотрю, влюбленный, на окно!..

Николай Некрасов

*«Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав – вологжанин...»*

Крестьянские дети

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется легко,
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты! <...>
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав – вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей. <...>
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь – им все покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело – пилить и строгать!
Иступят пилу – не наточишь и в сутки!
Сломают бурав – и с испугу бежать. <...>

Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит – содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...
«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу сvezут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведают свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...
Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнать ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...
Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» – Ступай себе мимо! —
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» – Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
(В лесу раздавался топор дровосека.) —

«А что, у отца-то большая семья?»
– Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я... —
«Так вон оно что! А как звать тебя?»
– Власом. —
«А кой тебе годик?» – Шестой миновал...
Ну, мертвая! – крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто все это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Феодосий Савинов

Родное

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это – русская сторонка,
Это – родина моя!
Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это – русское раздолье,
Это – русская земля!
Слышу песни хоровода,
Звучный топот трепака...
Это – радости народа,
Это – пляска мужика!
Коль гулять, так без оглядки,
Чтоб ходил весь белый свет...
Это – русские порядки,
Это – дедовский завет!
Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса...
Это – русские картины,
Это – русская краса!
Всюду чую трепет жизни,
Где ни брошу только взор...
Это – матушки отчизны
Нескончаемый простор!
Внемлю всюду чутким ухом,
Как прославлен русский бог...
Это значит – русский духом
С головы я и до ног!

Василий Сиротин

Исповедь

*Его императорскому высочеству
великому князю Константину Николаевичу*

Быть может, слишком смело
Решаюсь я, великий князь,
Иметь с особой Вашей дело,
Отложив трепет и боязнь.
Но не всегда же судит строго
Сам Бог за наши нас грехи.
Надеюсь, снизойдете много
И Вы мне за мои стихи.
А чтоб могло известным статься,
Откуда Вам и чей сей глас —
Извольте мне на первый раз,
Как должно рекомендоваться.
Я раб греха и плоти пленник,
Но я зачислен в Божью рать,
Затем, что, будучи священник,
Ношу священства благодать.
Зовут меня отец Василий.
Мне двадцать семь от роду лет.
Пишу стихи не без усилий,
Но для себя и сам поэт!..
Так Вологда, когда подъяла
Война на Крым кровавый стяг,
«Восток и Запад» мой читала,
Оттиснувши в «Ведомостях».
Люблю науки. Божье слово,
Красы естественных картин.
Одно несчастье, что я вдовой.
Мое прозвание – Сиротин.
Оно и кстати: скарб мой – ряса,
А библиотека – псалтырь.
Живу на Каменном у Спаса,
Мое жилище – монастырь.

«Раз возвращаюсь домой я к себе...»

Раз возвращаюсь домой я к себе,
Улица странною кажется мне.
Левая, правая где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

И фонари так неясно горят,
Смирно на месте никак не стоят.
Так и мелькают туда и сюда.
Эх, да вы пьяные все, господа.

Левая, правая где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

Ты что за рожи там, месяц, кривишь,
Глазки прищурил, так странно глядишь,

Лишний стаканчик хватил, брат, вина;
Стыдно тебе, ведь уж ты старина.

Левая, правая, где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

С вами ль тягаться, собой рисковать?
Лучше к цыганкам вернуться опять.
Левая, правая, где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

Иван Куратов

Коми язык

Правда, слов высоких
Мой язык не знает,
Но и то я знаю —
Всё не болтает.

Нежный и красивый,
Дорогой и звучный —
Бог простит грехи мне,
Коль на нем молюсь я!

Мои сестры, братья
Все на нем мечтают,
И на нем добра мне
Мать с отцом желают!

Наш язык я слышал
С колыбели милой,
Видно, и забуду,
Лишь сойдя в могилу.

Красотою своею
Сердцу он открылся —
И на нем я первый
Вслух запеть решился...

Пусть другие громче
Запоют за мною —
И услышат коми
Многое родное!

1857

Пер. А. Смольникова

Тьма

Нашу землю облегла
Ночь кромешная от века;
Темны люди и дела —
Здесь не сыщешь человека.

Нет, не сыщешь! Даже лучших
Чье убранство белым было,
Ныне тьма мышей летучих
Одолела, облепила.

Зрят вампиры белый цвет —
И вопьются... И, конечно,
Прежде, чем придет рассвет,
Захлебнусь я тьмой кромешной.

Тесно людям без огня...
Но заря теснит потемки:
Светлый мир – не для меня!
Но для вас грядет, потомки.

Близок, братья, час чудесный!
Вижу я, уже светает...
Вся земля в росе небесной
Под лучами засверкает.

1865

Пер. В. Тихомирова

Иннокентий Анненский

Лунная ночь в исходе зимы

Мы на полустанке,
Мы забыты ночью,
Тихой лунной ночью,
На лесной полянке...
Бред – или воочью
Мы на полустанке
И забыты ночью?
Далеко зашел ты,
Паровик усталый!
Доски бледно-желты,
Серебристо-желты,
И налип на шпалы
Иней мертво-талый.
Уж туда ль зашел ты,
Паровик усталый?
Тишь-то в лунном свете,
Или только греза
Эти тени, эти
Вздохи паровоза
И, осеребрённый
Месяцем жемчужным,
Этот длинный, черный
Сторож станционный
С фонарем ненужным
На тени узорной?
Динь-динь-динь – и мимо,
Мимо грезы этой,
Так невозвратимо,
Так непоправимо
До конца не спетой,
И звенящей где-то
Еле ощутимо.

*Почтовый тракт Вологда-Тотьма
27 марта 1906*

Просвет

Ни зноя, ни гама, ни плеска,
Но роща свежа и темна,
От жидкого майского блеска
Все утро таится она...
Не знаю, о чем так унылы,
Клубяся, мне дымы твердят,
И день ли то пробует силы,
Иль это уж тихий закат,
Где грезы несбыточно-дальней
Сквозь дымы златятся следы?..
Как странно... Просвет... а печальней
Сплошной и туманной гряды.

*Вологодский поезд
Под вечер 17 мая 1906*

Александр Круглов

«Россия – вот кому обязан служить писатель и больше никому. Русское народное дело – вот наша цель. Русский писатель должен быть верующим, ибо только Христос – истинный путь. Все должны быть нравственны, а писатель наипаче». *Напутствие Ф.М. Достоевского А.В. Круглову. Петербург, 1873 г*

Старый рыболов

Близ Прилук, в убогой хатке
Дед Антип живет;
Бел как лунь; годам давно он
Потерял и счет.

В хатке деда вечно тихо:
По зимам он спит
Днями целыми, а летом
Над рекой сидит.

Знал Антип другое время,
Жил тогда не так;
Был известен он как первый
На селе рыбак.

Изменили силы деду:
Он и стар и хил,
Но реки своей широкой
Все ж не разлюбил.

Только снег успеет стаять,
Пронесется дед,
Он все удочки исправит
И ловить идет.

Люб Антипу влажный воздух,
Белых чаек крик...
«Здесь легко мне, здесь привольно», —
Говорит старик.

И сидит, сидит день целый
Меж густых кустов,
И уснет порой невольно
Старый рыболов.

Часто кошки, даже птицы
Рыбу раскрадут,
Шаловливые мальчишки
Удочки возьмут;

Но об этом не горюет
Рыболов-старик:
Ведь нужна ему не рыба,
Он к реке привык.

«Не сдерживай горячей укоризны...»

Не сдерживай горячей укоризны,
Когда она целебна для отчизны,
Когда в ней чувствуется любовь!
Но не порочь священные седины
Хулой врага и языком гордыни
Не обличай и не злословь.

Пусть знают все, речам твоим внимая,
Что говоришь ты, сердцем изнывая,
А не кощунственно глумясь.
Что у тебя с отчизною больною —
Как и у сына с матерью родною —
Неразрываемая связь!

1908

«Затворившись в тесной келье...»

Затворившись в тесной келье,
Дух молитвой укрепляй,
Но безгрешное веселье
Не казни, не проклинай!

Встретив юношей, враждою
Светлых грез не отрави,
Но любовною рукою
Счастье их благослови!

1910

Никтополион Святский

Из воспоминаний

Город Вологда есть,
В котловине стоит;
Я не раз имел честь
В этом городе быть.
Благодатный такой,
Летом – в зелени весь,
И бульвар пребольшой
В нем березовый есть,
Да полсотни церквей
Златоглавых стоит —
В час молитвы святой
Дивным звоном гремит.
Я от дедов слышал
(И, конечно, – не вздор):
Грозный царь Иоанн
В нем построил собор.
Петр Великий живал,
И поныне тот дом
Как святыня стоит,
Как бы память о нем.
А народ-то, народ!
Простодушный такой,
Настоящий русак —
С чуткой, честной душой.
А река-то, река!
Много памятных дней
Подарила она
В прошлой жизни моей!
Снова мыслью лечу,
Вспоминаю, любя,
Ну, да, может, Бог даст,
Вновь увижу тебя?..

Сергей Стрибожич

Белоризцы

Город Вологда, как котел кипит.
На ослоне дьяк Кривоглаз стоит.
Хлещет воздух зыком, аки вервием.
Смерд внимает гласу сему с усердием.
«Князь Василий изволил прибыть в свою вотчину.
Смердину за службу будет заплочено
Гривной звонкою. Лепшим – льготою всякою.
Выходите, горожане, на борьбу с Шемякою!»
В пословице немудрой слово верное взято:
Люди в Вологде ласковы, как телята...
На княжую речь они отзываются —
В ратный бой с Шемякой снаряжаются,
Три дня-ночи лютует Шемяка-враг,
Но твердо стоит вологодский стяг...
На четвертый день зажег на кострах серу горючую,
Чует рать Васильева беду неминуемую...
И восслаг тогда Темный к небу моление:
«Всеблагий Творец! Претерпел я от брата поношение:
По вине его мира светлого Твоего не вижу.
От второй беды, горшей, Господи, изыми же!»
Вдруг от врат железных тройчатых
Во кольчугах белых кольчатых
Выезжают два витязя велики —
За забралами стрельчатými лики их.
Что творили они – описать не под стать:
Полонили двое Шемякину рать.
От мечей Белоризцев исшел огонь.
Сам Шемяка со страху – скорей на конь.
И пошла молва из конца в концы:
Белоризцы, мол, Божьи посланцы.
Не кровавою сечью-битвою
Отстоялась Вологда – молитвою.
А Василий-князь рукою тороватою
Одарил горожан казною богатою.
Сотни лет прошли. Изменился свет.
Белоризцев подвигу забвенья нет.
Сердце мягкое скорбит под притиною.
Память воинов сих почтим бытиною...

**Александр Пугачев
(Дядя Саша)**

Вологда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.